

Чои Чжин Сок

**Проблемы динамики культуры
в работах М.М. Бахтина**

Специальность 24 00 01 – Теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Москва
2009

00346 1093

Handwritten signature or initials

Работа выполнена на кафедре истории и теории культуры
Российского государственного гуманитарного университета

Научный руководитель · **Кондаков Игорь Вадимович** –
доктор философских и кандидат
филологических наук, профессор,
действительный член РАЕН

Официальные оппоненты **Кантор Владимир Карлович** –
доктор философских наук, профессор

Сайко Елена Анатольевна –
доктор философских наук, профессор

Ведущая организация **Московский государственный университет
культуры и искусств**

Защита состоится «19» января 2009 г в 14 00 час. на заседании
диссертационного совета Д 212 198 06 при Российском государственном
гуманитарном университете по адресу 125993, г Москва, ГСП-3, Миусская пл , 6

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского
государственного гуманитарного университета

Автореферат разослан « 18 » декабря 2008 г

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат культурологии

Е Г Лапина-Кратасюк

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Данная диссертация посвящена проблемам динамики культуры в работах ММ Бахтина (1895-1975) с точки зрения понятия *становящейся силы*. Проблематика становящейся силы занимает первенствующее место в понимании мышления Бахтина, потому что многие элементы и концепции (например, событие), содержащиеся в его трудах, выходят далеко за пределы формально-логической методологии Нового времени. Более того, осмысление этой силы открывает новую возможность в понимании культуры как бытия-становления в конкретном историческом мире. Силовое измерение при этом является не механическим, а онтологическим. Здесь следует сказать, что это теоретическое измерение неотделимо от практического, в силу чего проблематика становящейся силы в бахтинском мышлении ставит перед нами важнейшие вопросы, относящиеся к культурологическим исследованиям.

Темы, связанные с проблемой культуры в творчестве Бахтина, неоднократно обсуждались не только в России, но и на Западе, в ходе так называемого «бахтинского Ренессанса» второй половины XX в. Однако попытки этого рода, как правило, сводились или к чрезмерной эксплуатации бахтинских концепций («индустрия Бахтина»), или к строгому ограничению их употребления («канонизация»). И в том, и в другом случае к концу XX века наблюдается постепенная утрата интереса к наследию Бахтина, снижение актуальности его мышления. В результате осуществляется «историзация Бахтина» как «мертвой теории». Согласно подходу автора диссертации, необходимо не дословно воспроизводить концептуальную систему Бахтина в качестве устойчивого прототипа, а заново воспроизвести творческие, ценностно-смысловые модели его мышления. С этой точки зрения, каждая культура представляется не просто накоплением пережитков утраченного прошлого, а определенной совокупностью различных условий и взаимоотношений, которая обладает потенциалом непрерывного изменения. В этом заключается открытая возможность культурных смыслов в «большом времени» у Бахтина.

Данная диссертация ставит проблему не «правильной» интерпретации его текстов, а трансформации бахтинского мышления

через подключение к новой проблематике, с целью порождения новых смысловых версий. В культуре реально присутствует не ее устойчивая сущность как некоторая Идея, а способность к бесконечному изменению, т.е. становлению. Безусловно, сила эта оправдывается лишь в онтологическом динамизме, таким образом, данная работа выходит за пределы позитивистской историографии или традиционной текстологии. В отличие от иных исследований, старавшихся обнаружить идеальные формы в культуре, в данной диссертации делается попытка рассмотреть все культурные феномены в процессе их становления, отнюдь не ограничиваясь теологическими установками на абсолютность системы. Эта задача, которая состоит в освещении и понимании разных модусов становящейся силы, определяет актуальность современного применения бахтинских идей и настоящей работы в целом.

Степень научной разработанности проблемы

После того, как в начале 1960-х годов были опубликованы работы Бахтина, его научные идеи стали одной из важнейших теоретических основ современных социально-гуманитарных наук. Этот интеллектуальный импульс оказался особенно силен на Западе, потому что именно там в это время началось общемировое историческое движение, которое принято называть «постмодернизмом» (или «постструктурализмом»). Как отмечает Ж.-Ф. Лиотар, самой главной задачей этого направления является принципиальный отказ от цельного, всеохватывающего мировоззрения и больших повествований, при этом бахтинское мышление сыграло роль критической опоры в переосмыслении западноориентированных ценностей Нового времени. В результате многие современные теории культуры прямо или косвенно опираются на работы Бахтина.

Однако вплоть до 1980-х годов на Западе взгляды Бахтина изучались лишь как применимые в узких рамках литературоведения, в результате чего бахтиноведение как дисциплина постепенно теряло свою актуальность. Показательно, что так называемая «индустрия Бахтина», пользовавшаяся популярностью в Америке и Европе, сегодня рассматривается только как достояние прошлого, как факт истории науки.

По сравнению с ситуацией на Западе, российское изучение

Бахтина, особенно после середины 1980-х годов, было совсем другим. В России, в отличие от Западной Европы, речь шла об образе «Бахтина как философа», но при этом его философская позиция вообще рассматривалась только в рамках эстетики и этики. К тому же, открытию малоизвестных аспектов творчества Бахтина способствовали не так давно обнаруженные незавершенные рукописи ученого («К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности» и др.), и его идеи заняли центральное место в современной научной парадигме.

Однако слишком широкий образ Бахтина, либо как (морального) философа, либо как (этического) эстетика, спровоцировал серьезный кризис, поскольку, с одной стороны, его идеи нередко трактовались произвольно, а, с другой стороны, формировался образ Бахтина как «*deus ex machina*». По мнению ряда современных исследователей, бахтиноведению необходим не широко объявленный триумф бахтинских идей, а строгое методологическое ограничение для защиты «правильного» содержания бахтинской мысли (В Махлин). В то же время систематизация идей чаще всего завершается их канонизацией, т.е. опять-таки потерей актуальности. Интерес к бахтинскому мышлению, отраженный в данной диссертационной работе, лежит совершенно в ином плане, соотносящемся с пониманием культуры самим Бахтиным.

Культура, которую изучает Бахтин, не является неизменным, абсолютно устойчивым монолитом, хотя она и скована цепями определенных исторических условий. Бахтин понимал культуру как непрерывно изменяющуюся субстанцию в историческом процессе. В таком понимании заключена возможность соединять и разъединять различные элементы жизни, включая потенциал превращения в новое, иное культурное состояние, которое невозможно уловить устоявшейся («официальной») культурной мерой.

Источники

Основными источниками диссертационного исследования являются работы М.М. Бахтина, особенно «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). Но, в настоящей диссертации рассматриваются практически все произведения мыслителя – от самых ранних до самых последних, свидетельствующие о изменениях его взглядов: «Искусство и

ответственность», «К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности», «Марксизм и философия языка», «Фрейдизм», «Формальный метод в литературоведении», «Проблемы творчества/поэтики Достоевского», «Слово в романе», «Эпос и роман», «Формы времени и хронотопа в романе», «Ответ на вопрос редакции "Нового мира"», «Из записей 1970-71 годов», «К методологии гуманитарных наук» и др. Но предпринятая диссертантом попытка исследовать творчество Бахтина не означает, что автор данной диссертации имеет в виду изучить мышление Бахтина в его линейном, последовательном развитии

Цели и задачи исследования

Главной целью исследования является осмысление и освещение концепции становящейся силы и ее разнообразных аспектов в работах Бахтина. Поставленная цель определила следующие задачи исследования.

- 1) исследовать понятие «внешнее» (outsideness) как элемент культурной трансформации;
- 2) описать «желание» как силу производства культурной реальности,
- 3) рассмотреть «становление» как источник динамики культуры

Методология диссертационного исследования

Изучение динамики культуры в работах ММ Бахтина проводилось в соответствии с методологией ряда конкретизирующих исследований по истории и теории культуры. Среди работ теоретико-методологического характера на автора оказали свое плодотворное влияние исследования российских ученых по филологии, философии и культурологии: С.С. Аверинцев, О. Аронсон, Ю. А. Асоян, В.С. Библер, Н.К. Бонецкая, С.Г. Бочаров, Б.Е. Гройс, А.Я. Гуревич, Вяч. Вс. Иванов, Л.В. Карасев, Г.С. Кнабе, И.В. Кондаков, В.М. Лейбин, Д.С. Лихачев, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, М.К. Мамардашвили, Б.В. Марков, В.Л. Махлин, С.С. Неретина, А.В. Панков, В.А. Подорога, М.К. Рыклин, Н.Д. Тмарченко, Т.В. Щитцова, М.Н. Эпштейн и др.

Из корпуса зарубежных исследований по этой теме диссертанта заинтересовали труды следующих: Л. Альтюссер, А. Бадью, В. Беньямин, А. Бергсон, Р.М. Берронг, К. Брандист, Ф. Гваттари, Ф. Джеймисон, Ж. Делез, Ж. Деррида, С. Жижек, Т. Иглтон, Йи Чжин Кюнг, Э. Кассирер, К. Кларк, Ю. Кристева, Ж. Лакан, Р. Лахман, Э.

Левинас, Ж.-Ф. Лиотар, К. Маркс, Г.С. Морсон, А. Негри, Ф. Ницше, Б. Спиноза, Ц. Тодоров, М. Фуко, К. Хиршкоп, М. Холквист, К. Эмерсон и др.

Большую роль в настоящем исследовании сыграли работы Делеза и Гваттари, изучавших становящуюся силу как источник динамики культуры. Этой силой, по их терминологии, являются внешнее, или потоки желания, которые всегда и везде существуют и действуют. По мнению диссертанта, их размышление о становящейся силе в точности совпадает с замыслом динамики культуры у Бахтина.

В качестве главного методологического инструментария диссертантом использовалась концепция мышления сериациями у Фуко и Делеза. Согласно им, возможность изменения, трансформации культуры находится в соединениях или расположениях ее элементов по-иному, совсем по-другому. То есть актуальность динамики культуры вполне зависит от создания новых мыслительных моделей («серий»). По Бахтину, это и есть «творческое понимание культуры».

Основные положения, выносимые на защиту

1. Вместо известного понятия «внеаходимости», концепция внешнего рассматривается как ключевое слово в понимании культуры у Бахтина. Одна из причин, по которой мы выбрали новую концепцию, заключается в том, чтобы обнаружить и осмыслить силовой, динамичный элемент в бахтинском мышлении. Благодаря этому концептуальному перемещению можно заново взглянуть на Другого как на место или функцию, на которые направлена эта сила, а не как на абсолютизированную субстанцию. Другой как внешнее означает способность к переходу, изменению. В результате, исключаемые до сей поры элементы – кажущиеся «избытками» бахтиноведения – бессознательное, желание и т.д. становятся ключевыми моментами для нового размышления о становлении.

2. На основе понимания внешнего, речь шла о желании в разных формах выражения становящейся силы. Сила сама по себе, если говорить о ней на принципиальном уровне, представляется нейтральным, неличным или до-личным, конденсированным «резервуаром». Но когда она выражается на уровне действительности, в ней содержатся различные векторы, которые проявляются в разнообразных формах (например, народных празднеств). Показательно то, что разные модусы народной смеховой культуры

связаны с этим желанием как становлением

3 Главные моменты в романе Рабле, – снижение, приземление и отелеснение, и все они являются выражением одной и той же силы, которая намерена низвергнуть серьезный культурный догматизм с его видимостью абсолюта Однако то, что продолжается всегда и бесконечно – есть лишь становящаяся сила сама по себе Разнообразные гетерогенные формы ее выражения в действительности придают ей лишь соответствующие имена.

4 На первый план исследования, таким образом, выступила проблема становления. Изучение текстов Бахтина, особенно по истории романа, показывает, что его истинный интерес к этим темам состоит в поисках этой силы Однако сила эта доказывает свою реальность и актуальность только посредством выражения. При этом самым сильным орудием ее самовыражения является образ народа. Народ представляется не столько исторической, позитивистской субстанцией, сколько идеальной (однако, чуждой идеалистических направлений вроде немецкого идеализма). Поэтому народ конкретизируется не в качестве субъекта, а в качестве субъективации.

5 В результате возникает фундаментальная связь между монизмом и плюрализмом Рассматривая оба эти полюса с точки зрения становления, можно обнаруживать, что они являют собой разные выражения одной и той же силы. Какой же смысл в таком подходе? Если говорить о том, что только становящееся – реально, то, соответственно, всякая актуальность в определенной культуре заключается в ее «антикультурной» природе как первенствующем источнике Итак, динамика (анти-)культуры, по существу, разворачивается в социально-политическом измерении Вот почему в этой динамике важнейшее значение приобретает размышление о становлении-меньшинстве

Научная новизна работы определяется следующим

Во-первых, в данной работе рассматриваются проблемы культурной трансформации как непрерывные процессы де/конструкции с точки зрения становящейся силы В отличие от других подходов, в основе которых лежали философская герменевтика, позитивистская историография или биографическая интерпретация, подход, избранный автором диссертации показывает, что подлинный источник культурной трансформации в мышлении Бахтина есть

потенциал самоизменения, всегда содержащийся в культуре в виде неличной, до-личной и внеличной стихии. С учетом этой позиции возникает возможность осмыслить культуру саму по себе, отталкиваясь от сложившейся интерпретационной традиции.

Во-вторых, в данной работе разъясняются аспекты становящейся силы в качестве единого и единственного источника культурной де/конструкции – внешнее, желание или становление «Становящаяся сила» – есть лишь общее имя для этих разнообразных аспектов в осуществлении одной и той же силы. Так обосновывается онтологическое измерение этой силы.

Наконец, бахтинское мышление в настоящей диссертации помещается в контекст, в котором открыты возможности для взаимодействия с другими идеями. Культура содержит в себе не только сосуществование гетерогенных голосов, но и их свободное слияние, максимальное изменение. В конечном счете, радикальная возможность такого рода встреч представляется истинным источником культурной де/конструкции с точки зрения становящейся силы. Отсюда открываются новые, ранее не существовавшие горизонты в изучении Бахтина в эпоху постмодернизма.

Теоретическая и практическая значимость работы

Исследование содействует прояснению генеративных оснований культурологических поисков в современном мире. Оно показывает и доказывает, что реальным источником во всех исторических культурах является некая сила, которая де/конструирует сегодняшние состояния культур. Кроме того, концепция «мышления сериациями» (Делез) как конкретная методология, предлагаемая в данной работе, открывает возможность эффективного обоснования дальнейших исследований в типологическом изучении культуры.

Полученные результаты могут быть применены при рассмотрении и анализе различных вопросов в области литературоведения, философии, социологии и культурологии, т.е. во всех областях социально-гуманитарных наук, и при разработке и чтении соответствующих учебных курсов по этим дисциплинам.

Апробация исследования

По теме исследования автором были сделаны доклады на научных конференциях в Москве (Россия) и Сеуле (Корея),

опубликованные в материалах соответствующих конференций “Новый коммунистический манифест” (Институт Сую, Сеул, 1 июля – 15 августа 2006 г); “Философская традиция как понятие и предмет историко-философской науки” (РГГУ, Москва, 5-6 декабря 2006 г); “Территории культурной политики. лекции по современной культуре” (Институт Сую, Сеул, 15 июля – 28 августа 2007 г.). По теме диссертации были опубликованы 7 научных статей. Текст диссертации обсуждался на кафедре истории и теории культуры РГГУ

Структура диссертации

Диссертация состоит из Введения (общей характеристики и постановки проблемы), трех глав, Заключения и списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение включает общее описание истории исследования, его проблематики, формулировки основных целей и задач диссертационной работы, определение ее методологии. Рассматривается возникновение и развитие бахтиноведения как самостоятельной дисциплины

Первая глава диссертации («Внешнее как элемент культурной трансформации») посвящена анализу и критическому переосмыслению концепции «внеаходимости» у Бахтина. Несмотря на то, что в текстах Бахтина, особенно в ранний период, термин «внеаходимость» является ключевым, в диссертации предлагается использовать другое понятие – «внешнее», поскольку смена концепций позволяет задать новый смысловой диапазон творческого мышления. В этом контексте «внешнему» принадлежит основополагающая роль в понимании бахтинских идей с точки зрения «становящейся силы». Благодаря этой терминологической замене (от «внеаходимости» к «внешнему») стало возможно новое освещение таких понятий как «Другой», «бессознательное», «желание» и т. п.

В предшествующих интерпретациях бахтинских идей внеаходимость рассматривалась как преодоленный вариант понятия «вчувствования» («Einfuhlung») у В Дильтея) в неокантианстве,

оказывавшем серьезное влияние на Бахтина в его Невель-Витебский период (1918–1924). Особенно это проявляется в теории эстетической деятельности, где это понятие обозначает тот факт, что автор как творец находится вне кругозора героя. В этом случае автор оказывается в лучшем положении, чем герой, в результате чего происходит завершение авторской воли эстетического творения. Но, как хорошо известно, эта позиция полностью переосмысливается Бахтиным в «Проблемах творчества Достоевского» (1929). Здесь онтологический статус героя становится выше автора, и возникает тезис Бахтина о так называемой «философии Другого», которая находит отклик в философии Э. Левинаса. В этом состоит персоналистская или экзистенциальная интерпретация бахтинской идеи.

В отличие от подобного подхода, в настоящей диссертации утверждается, что подлинный смысл Другого у Бахтина заключается не в образе персоналистской субстанции, а в функции, позволяющей превращать (априорно) обозначенное место в иное, онтологически новое «Вне-находимость» (внешнее) означает способность пересекать границу между разными позициями, в случае эстетической деятельности – автора (субъекта) и героя (Другого). Она и представляет собой концептуальный аппарат, который препятствует автору (или герою) в фиксировании того или иного положения. Объясняется это тем, что она сопровождается несколькими дополнительными, но сугубо важными понятиями, такими, как «избыток видения» и «трансграницентность». Согласно Бахтину, первенство автора состоит не в его субстанциальном бытии, в некоем существенном атрибуте, а в его способности к переходу от одного места к другому, т. е. постепенной возможности трансформации. Таким образом, согласно заново определенному в диссертации понятию вненаходимости, внешнее является не просто местом вовне чего-то в денотативном смысле этого слова, но и трансграницентной способностью к переходу в коннотативном смысле. По существу же, оно и есть понятие, которое указывает, с одной стороны, на несубстанциональное, пустое место, а с другой – на наполненную переходным потенциалом возможность. Проблематика Другого у Бахтина разрешается лишь в этом концептуальном перевороте.

При рассмотрении проблем бессознательного у Бахтина мы неизбежно встречаем сопротивление, связанное с тем, что он в своих

текстах неоднократно подчеркивал большую важность сознания в противовес бессознательному (Фрейдизм, 1927). По Бахтину, хотя главная заслуга Фрейда и заключается в открытии скрытой плоскости человеческой психики, т.е. бессознательного, Фрейд и его психоаналитическая школа исказили смысл своего открытия, упростили его в инстинктивном и биологическом измерении. Критика Бахтиным фрейдизма сосредоточена на его теоретико-практических противоречиях: Фрейд пытался истолковать и разъяснить содержание бессознательного посредством слова (т.е. символизированного сознания), но интерпретация бессознательного через сознание, когда мы узнаем в бессознательном только открытое сознанием содержание, дает представление лишь об обломках самосознания, а не о самом бессознательном как внешнем сознанию.

Однако скрупулезный анализ показывает, что Бахтин критиковал и отрицал в теории Фрейда не силу бессознательного, а искаженный фрейдизмом образ бессознательного. Он делает акцент на важности социальной динамики, заложенной в замысле Фрейда. Бахтин предлагает альтернативное понятие («жизненная идеология» или «жизненная идеология»), поскольку ему представляется, что некая сила, похожая на бессознательное, присутствует в реальности. Очень показательным является то, что он старался концептуализировать социальную и культурную динамику, выступающую в качестве силы становления, как внешнее сознанию, не говоря уже о том, что она не вполне принадлежит к порядку сознания и потому действительно представляет собой не-понятие и вне-понятие. Бахтин называл эту неопределенную область бессознательного «неофициальным сознанием». В поздний период это понятие развивается им как «неофициальная», «народная смеховая культура». Следует заметить, что эта фундаментальная сила – бессознательное – является собой не просто внешнее сознанию. Скорее, оно и есть в самом широком смысле внешнее само по себе, оно даже включает сознание (поэтому возможен этот тезис «Бессознательное онтологически предшествует сознанию»). Если говорить о производстве в бессознательном, нельзя останавливаться перед созданием самобытной территории бессознательного, потому что онтологическое первенство бессознательного заключается в силе не только деконструирования, но и конструирования в историко-культурном мире. Сила эта всегда движется и выходит за пределы определенных, завершенных культур.

Итак, «внешнее» определяется как сила или способность к переходу между культурными границами. При этом внешнее нужно осмысливать в чисто силовом измерении. С одной стороны, оно является той основой, которая позволяет всякое внутреннее конструирование только посредством деконструкции всех уже сложившихся границ. С другой стороны, проявляется это внешнее между границами, на которых сталкиваются, изменяются и заново рождаются разные культуры.

Вторая глава диссертации («Желание как сила производства культурной реальности») посвящена проблемам желания как конкретного вектора в субъективации. Желание, в свою очередь, само является становящейся силой, однако сила как бесконечный ресурс становления всегда требует для своего осуществления в культурной действительности желания потому, что оно содержит в себе стремление к некоей субъективации. По Ж. Делезу и Ф. Гваттари, хотя само желание и есть сила как таковая, одновременно оно наделяет ее определенным вектором для реализации. Точками обостренного желания в этом плане для Бахтина становятся карнавал и роман. Задача второй главы состоит в том, чтобы пересмотреть и осмыслить проблемы карнавала и романа в качестве форм выражения желания, осуществляющегося в народной смеховой культуре. В соответствии с этим стоит отметить, что желание функционирует как нечто основное, способное обеспечивать культурную трансформацию (с учетом этого, желание являет собой другой аспект становящейся силы, из которой проистекают концепции внешнего, бессознательного и т. п. Но все они, по своей природе, совпадают друг с другом). Желание, в первую очередь, представляется «антикультурной» движущей силой, ведущей к детерриториализации сложившейся культуры, в которой разрешен только определенный (по выражению М. Фуко – «нормальный») образ социально-культурного производства. На деле, социально-культурное производство, рассмотренное с точки зрения становления-желания, по сути, избыточнее норм данной общественной действительности. Вот почему Бахтин называл народную культуру «неофициальной» – в смысле того, что в любой культуре содержится неопределенный эксцесс в качестве момента самокритики как возможности революции.

Согласно Бахтину, многообразные проявления и выражения народной смеховой культуры можно подразделить на три следующих вида форм: 1) обрядово-зрелищные формы; 2) словесные смеховые

(пародийные) произведения, 3) различные формы и жанры фамиллярно-площадной речи. В принципе, между этими формами выражения желания нет ценностной иерархии. Важнейшим является то, что они по-своему выражают одну и ту же силу, производящую культурную реальность. Для Бахтина интерес к этим формам состоит в поисках сил, которые подвергают радикальной критике всю застывшую, мертвую культуру и делают ее относительной, изменяемой, в результате чего обновляют и превращают ее в нечто новое, другое. Весь процесс, в котором в качестве положительного, активного лейтмотива осуществляются вышеуказанные формы выражения, является карнавализацией или гротескным реализмом.

В плане гротескного реализма обнаруживается материально-телесное начало народной смеховой культуры. Тело в гротескном реализме не составляет привилегию человека, в отличие от антропоцентризма, развивавшегося с эпохи Возрождения. В эстетических канонах Нового времени тело, как правило, представляется строго завершенным, совершенно готовым. Хотя этот образ тела кажется изящным, у него нет возможности развиваться иначе, т. е. нет потенциала «несовпадения бытия с самим собою». По Бахтину, в таком случае невозможно найти никакой перспективы будущего. Наоборот, гротескное тело противостоит всякому готовому завершенному бытию. Итак, гротеск – есть и общее имя форм выражения становящейся силы, и, возможно, сама эта сила. В этой связи возникает необходимость пересмотреть смысл «диалогизма», который создал Бахтину мировую репутацию. Идея диалога часто считается своего рода гармонией классической традиции, которая состоит в мирном сосуществовании конфликтных сил. Однако диалогизм у Бахтина основан на совсем другой предпосылке – непрерывном становлении реальности. В отличие от того, что гармония принципиально тождественна завершенности, снятию («Aufhebung» у Г. Гегеля) несоединенного, диалог понимается как незавершенный процесс изменения или трансформации, особенно в рамках гротескного реализма, который состоит из снижения, приземления и отелеснения как главных моментов в диалогическом движении (/становлении).

Что касается проблемы романа, как хорошо известно, Бахтин уже в ранний период творчества обращал большое внимание на феномен слова, которое проявляет максимальную силу в литературе

Однако его внимание к роману и его истории не ограничивается пределами литературоведения. Подлинная причина его интереса заключается в том, что роман является своего рода карнавализацией *par excellence*

Неслучайно Бахтин порой описывает роман как нечто живое, как жадного монстра, поглощающего все, что находится рядом с ним. Действительно, роману в бахтинском представлении присущи следующие фундаментальные характеристики роман всегда наполнен желанием подчинить другие жанры, всю территорию литературы, отказываясь от гармонии и мирного сосуществования с ними Однако следует заметить, что в романе и в истории романа содержится важнейший момент самокритики, что в точности совпадает с определением карнавализации. Иными словами, в романизацию включается желание беспредельно и непрерывно изменять себя и изменять себе самому, т е желание «не быть самим собою» Не приходится и говорить, что такого рода стремление сильно отличается от страсти самотождественности Нового времени Нет ничего существенного, которое бы вечно сохранялось и продолжалось, кроме становящейся силы Но она и сама не остается равной себе В терминологии Ф Ницше, она как поток желания состоит из вечного возвращения/изменения Согласно анализу Бахтина, превосходство (историческое и онтологическое) романа или романизации состоит в жанрообразующей силе, разрушающей уже сложившиеся жанры Следовательно, история романа целиком и полностью принадлежит к сфере карнавализации, истории бытия-становления

Центральная проблема введения понятия желания заключается в том, чтобы определить вектор, направленный в сторону осуществления становящейся силы. Эта сила способствует либо территориализации, либо детерриториализации (но онтологическое первенство, безусловно, – у последнего) Что касается проблемы культуры, она в одно и то же время относится и к конструированию, и к деконструированию Важно само по себе утверждение этой силы, ее абсолютной актуальности Однако эта абсолютная сила может осуществляться и действовать только при определенных условиях На наш взгляд, эта проблема условий (/взаимоотношений) принадлежит к сфере субъективации Ибо субъективация представляет собой вершину процесса карнавализации, к тому же, она образует важнейший момент для

осуществления силы. Можно сказать, что субъективация придает этой силе конкретное лицо – лицо народа

Третья глава диссертации («Становление как источник динамики культуры») посвящена исследованию проблем становления самого по себе. Хотя в предыдущих главах обсуждались разные, но тесно взаимосвязанные темы в мышлении Бахтина (внешнее как способность к трансформации, желание как форма выражения), они не позволяют вполне ответить на вопрос «что такое становление?» При этом необходимо учесть следующее во-первых, ответ на это по преимуществу отсылает к онтологическому, т. е. довольно теоретическому измерению. Во-вторых, несмотря на эту теоретическую установку, наше внимание должно обращаться к практической, т. е. историко-социальной плоскости, потому что динамика культуры является положением дел в реальности, которое все время возникает между границами идей и материи. В этом заключается концепция «события» как у Делеза, так и у Бахтина. И так, изучение становления неотделимо от поисков событий в историко-культурных условиях / взаимоотношениях

В связи с этим одно из важнейших мест в культурологическом мышлении Бахтина занимает тема народа. Без преувеличений можно сказать, что проблема народа является самым существенным ключом в понимании динамики культуры не только применительно к Средневековью и Ренессансу, но и для нашего времени. Проблемы актуальности культуры зависят от бахтинского (и теоретического, и практического) понимания народа

По Бахтину, народ является хозяином культуры, субъектом смеха, он, таким образом, обладает онтологическим первенством бытия. Однако, как и в случае с культурой, Бахтин почти не дает подробных объяснений о народе, его идейной сущности, значении или общественно-классовом статусе. Народ у него вне таких сложившихся социально-политических понятий, как класс, сословие, нация и т. п. Поэтому народ не дает возможности говорить о себе в плане актуальности, пользуясь для его осмысления сложившимися категориями или понятиями. Подобно внешнему, становящейся силе или потоку желания, народ невозможно воспринять, уловить формально-логическими методами Нового времени. Выход один – покинуть привычную и устоявшуюся систему мышления, переосмыслить его с точки зрения чистого становления. Народ при

этом даже не нуждается в олицетворении в антропологическом образе, поскольку он рассматривается как воплощение становящейся силы, ее желания. В этом состоит ядро нового понимания народа у Бахтина.

Однако образ народа нельзя отождествлять с чисто отвлеченным понятием в спекулятивной философии. Он представляется конкретным образом, который исторически развивается в социально-культурном мире. Согласно Бахтину, народ проявляет свою сущность не прямо, а через разные формы выражения (в частности, смех) и демонстрирует такую черту, как выразительность. Вот почему самым сильным образом в размышлении о культуре становится «смеющийся народ на площади». Подлинный эффект смеха состоит в его способности подвергать пародийному ниспровержению все, что существует в серьезном и страшном виде – в высшей иерархии. «Смеховое начало и карнавальное мироощущение, лежащие в основе гротеска, разрушают ограниченную серьезность и всякие претензии на вневременную значимость и безусловность представлений о необходимости и освобождают человеческое сознание, мысль и воображение для новых возможностей» (Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-ое изд. М., 1990. С. 58). С другой стороны, смех участвует не только в процессе деконструкции серьезной, официальной культуры, но и в процедуре конструкции единства «одного мира народной смеховой культуры». «Далее он направлен не на частность и часть, но именно на целое, на всеобщее, на все. Он как бы строит свой мир против официального мира, свою церковь – против официальной церкви, свое государство – против официального государства» (Там же, С. 101). Здесь следует заметить, что субъектом строительства новой, «неофициальной» культуры оказывается сам смех, а не народ в олицетворенном виде. Народ как смех, и наоборот, есть не что иное, как сама становящаяся сила, по мере того, как оба проявляются в процессе становления, т. е. субъективации.

Дело именно в том, как понять плюрализм в монизме в плане становящейся силы, поскольку единая и единственная сила выражается в разнообразных, несводимых друг к другу модальностях. Для этого сначала надо рассмотреть тезис о том, что народное тело и есть «множество» («multitude» у А. Негри), составленное из гетерогенных тел. Такого рода понимание тела, на деле, глубоко связывается с телом гротескного реализма. В противоположность

готовому, завершённому, «одному телу» Нового времени, народное тело в гротескном реализме имеет единый телесный образ, но оно в то же время оказывается множественной субстанцией, которая, по сути, не только разделима, но и соединима. Ибо фундаментальный потенциал гротескного тела состоит в его максимальной способности к де/конструкции.

Важным представляется перенести размышление о теле в силовое измерение, в котором все динамично изменяется, одно непрерывно превращается в другое. Однако, в этом контексте, концепция силы выходит далеко за физические рамки естествознания. Скорее, она – реальная энергия, которая всегда и везде и существует, и действует. К примеру, каждая существующая вещь и есть след силы, точнее говоря, определенное выражение некой силы, поэтому то, что реально существует – только определенный комплекс («тело» по определению Б. Спинозы) разных сил или взаимоотношений между ними. По этой логике, не существует ни атомов наподобие «*cogito*», ни монады как чисто изолированной вещи. Сила является единой и единственной субстанцией, но она такова по мере того, как представляется совокупностью разделяемых и одновременно соединяемых взаимоотношений. Разнообразие в действительности точно соответствует многообразным формам выражения взаимоотношений этих сил. Итак, всякая реальность уже есть некое количество силы. Не существует ничего, кроме количеств силы, находящихся «в напряженных отношениях» между собой. В результате, сила эта развивается и выражается в разнovidных, несводимых друг к другу модальностях, но все они целиком и полностью есть следствия действия одной и той же силы. В этом состоит плюрализм в монизме с точки зрения становящейся силы.

Таким образом, типичная формулировка противоположности между бытием и становлением в традиционной метафизике оказывается не эффективной, потому что появляется новое (на самом деле, и ранее существовавшее) выражение для них. «бытие = становление = сила». В этом заключается «единство бытия» у Бахтина. Говоря в манере Делеза, это – «однозначность бытия» или «повторение различиями». Но, конечно, тезис этого рода отнюдь не равняется тождественности любого бытия. Как раз наоборот, однозначность может выразить себя только посредством множественности бытия.

Та же логика действует и в сфере культурной трансформации. Всякая проблема в истории культуры (в том числе и всевозможные измерения жизни) относится к производству истин, т. е. культурных ценностей. Истина в каждой культуре производится по определенным меркам, которые, как правило, воспринимаются как однородные и гомогенные. Основная проблема культуры, таким образом, зависит от устройства модели истины. Однако, выступая против этого моделирования культуры, Бахтин утверждает, что сама истина всегда производится заново. Не существует истины вроде абсолютной, неизменяемой. Формы, Идеи и т. п. Все, что претендует на привилегированный авторитет истины, включено в систему разнообразных взаимоотношений, в совокупность многочисленных условий. Это общее место бытия-становления может называться «диалогом» или «карнавалом». В нем каждый раз производится новая истина, культурная ценность. В ходе этого процесса рождается определенная самобытная культура, но она с течением времени становится застывшей, консервативной и, наконец, заставляет подчиниться своей культуре как абсолютной, неизменяемой мере. Делез и Гваттари называют ее культурой, территориализованной представлением меры и истины. Для Бахтина это – «официальная культура». Подлинная проблема здесь заключается в том, что эти представления завязаны на безусловной истине, точнее, некоей вере в нее (вслед за К. Марксом, ранний Бахтин считал ее «ложной» идеологией).

На самом деле, проблема определения чего-то как официального, главного, господствующего, зависит от того, чтобы захватить это право меры как власти. Так называемое большинство означает владельца мерой как властью. Согласно Делезу и Гваттари, «большинство» определяется через власть (*puissance*), «меньшинство» – через способность (*puissance*) к изменению. Причина, по которой меньшинство вообще кажется несколько бесформенным, деформированным или даже чудовищным (/гротескным), заложена в том, что оно всегда находится в процессе изменения и становления. Меньшинство представляет собой непонятное (/бессмысленное или незначительное), неразличимое (/бесполезное или вредное), убегающее (/опасное или враждебное), потому что оно – вне меры большинства. Меньшинство, по сути, «за пределами меры» или «по ту сторону меры».

Возможность различать поток меньшинства в разных социально-культурных явлениях заключается в употреблении или функции этой силы Мера меньшинства является непрерывным становлением, которое не становится большинством. Другими словами, меньшинство и есть та сила, которая деконструирует меру большинства и конструирует новую возможность становления. Оно проявляется только в становящемся процессе не уstraивая свою меру как догматизацию Вот почему динамика культуры всегда представляется «антикультурной», «внекультурной», по мере того, как она означает процесс становления-меньшинства. В нем все ведет к отрицанию данной (государственной, национальной, гражданской, культурной и т п) идентичности и к непрерывному самоизменению, новой трансформации. И народ у Бахтина наделен главной ролью в этом динамическом процессе На каждой странице истории он демонстрирует новые лица и жесты, но неизменно проявляется как становящаяся сила, которая желает заново родиться

В **Заключении** подводятся общие итоги основных результатов исследования Подчеркивается, что в возможностях мышления нет никакой абсолютной, трансцендентной меры, которая строго указывает на определенную сторону как «правильную». В нем проводятся и одновременно стираются границы между разными слоями жизни. И этот процесс в целом составляет историю культуры Поистине, культура и размышление о ней поначалу являются некоей смесью, в которой расходятся, сливаются и изменяются потоки разнородных сил Мышление – это целиком и полностью имманентное событие как нечто безусловное, способное обеспечивать реальный генезис Что касается истории культуры, слово «культура» и есть общее место, наполненное событийными силами, и культурологическое мышление направлено на это событие само по себе. И динамика (анти/) культуры продолжается в этом времени событий «Нет ничего абсолютно мертвого у каждого смысла будет свой праздник возрождения Проблема большого времени» (Бахтин М.М К методологии гуманитарных наук // Он же. Эстетика словесного творчества М, 1979 С 373)

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Чои Чжин Сок Бахтин и Левинас – этика события vs этика лика // Вопросы культурологии 12/2007. С 9-12.
- 2 Чои Чжин Сок Коммунизм и Другой· в случаях Левинаса, Деррида и Бахтина // Манифест коммунистов Сеул. Культурный человек, 2007 (на корейском языке) С 233-277
- 3 Чои Чжин Сок. Понятие о современном времени: часы, деньги, скорость // Территории культурной политики лекции по современной культуре Сеул Гринби, 2007 (на корейском языке) С 167-203
- 4 Чои Чжин Сок. Понятие о современном пространстве // Территории культурной политики лекции по современной культуре Сеул Гринби, 2007 (на корейском языке) С 204-239
- 5 Чои Чжин Сок Событие и культура М.М. Бахтин и Ж Делез/Ф Гваттари о создании культуры // Философская традиция как понятие и предмет историко-философской науки М , 2006 С. 116-125
- 6 Чои Чжин Сок Праздник как карнавализация в историко-культурном процессе у М.М. Бахтина // Эстетико-культурологические смыслы праздника М Государственный институт искусствознания, 2009 (в печати)
- 7 Чои Чжин Сок Становление как источник динамики культуры // Дни аспирантуры РГГУ Материалы научной конференции М РГГУ, 2009 Вып 3 (в печати)

4

Заказ №499. Объем 1 п.л. Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «Петрораш».

г. Москва, ул Палиха-2а, тел. 250-92-06

[www postator.ru](http://www.postator.ru)